

– Слишком много слов, – сказал сэр Ланселот. – Не довольно ли с тебя будет для первого раза?

8

Вот уперли они свои копыя в седельные упоры и ринулись один другому навстречу с такой силою, как только могли скакать их кони. Ударили один другого в середину щита, да так, что под обоими седоками хребты конские переломились, и оба рыцаря упали оглушенные. Чуть опомнились, выпростали с поспешностью ноги из стремян, выставили щиты перед собою и, мечи обнажив, схватились яростно. И столь могучими ударами осыпали один другого, что ни щиту, ни броне не выстоять под таким ударом.

И потому скоро они оба получили немало жестоких ран и оба бедственно истекали кровью. Более двух часов они так рубились, то уклоняясь, то нападая, чуть только противник приоткрывался. Под конец выбились оба из сил, задохнулись и стояли друг против друга, опершись о мечи свои и тяжело дыша.

– Вот что, друг, – промолвил Тарквин, – попридержи покуда руку и ответь мне на вопрос, который я тебе задам.

– Спрашивай, – говорит сэр Ланселот.

И так сказал тогда сэр Тарквин:

– Ты высок и широк костью, как никто из рыцарей, мне когда-либо встречавшихся, и бьешься ты всех дольше не задохнувшись. Уподобить тебе я могу только одного рыцаря, которого всех более на свете ненавижу. И если только ты – не он, я готов с тобою вступить в согласие и ради тебя освобожу всех пленников моих числом в шестьдесят четыре, только ты назови мне свое имя. Мы с тобою заключим дружбу, и, покуда живу я, буду я тебе верен.

– Хорошо сказано, – отвечал сэр Ланселот, – но раз уж ты предлагаешь мне твою дружбу, чтобы мог я ее принять, открой мне, кто тот рыцарь, что ненавистен тебе более всего на свете.

– Правду сказать, – отвечал ему сэр Тарквин, – имя ему – сэр Ланселот Озерный, ведь он убил моего брата сэра Карадоса из Башни Слез, а он был из лучших рыцарей на свете. И потому для него изо всех рыцарей делаю я исключение: только бы мне с ним встретиться – и одному из нас в живых не быть, в том я дал клятву. Из-за этого Ланселота я уже убил сотню славных рыцарей и столько же вконец изувечил, так что до могилы останутся они калеками, и еще многих сгноил в темнице. Но еще содержатся у меня шестьдесят четыре пленника, и все получают свободу, только ты назови мне свое имя, если ты, конечно, не сэр Ланселот.

– Значит, – отвечал сэр Ланселот, – все зависит от того, кто я таков: или будет мне от тебя мир, или же война не на жизнь, а на смерть. Ну так вот, сэр рыцарь, я отвечаю на твой вопрос: услышь и знай, что я – сэр Ланселот Озерный, сын Бана, короля Бенвикского, и верный рыцарь Круглого Стола. А теперь защищайся как можешь!

– Ага! – вскричал сэр Тарквин. – Тебе изо всех рыцарей на свете я рад более всего! И теперь мы не разойдемся, покуда один из нас не падет мертвым.

И они ринулись друг на друга, точно два диких быка, размахивая щитами, разя мечами, ничком падая на землю и вновь подымаясь. Так бились они еще два часа с лишним, не зная ни на миг передышки, и сэр Тарквин нанес сэру Ланселоту множество ран, так что вся земля там, где они сражались, была забрызгана кровью.

9

Но вот наконец ослабел сэр Тарквин, дрогнул, отступил немного и от усталости приспустил щит. Увидел это сэр Ланселот, одним прыжком подле него очутился, ухватил его за подбородник шлема, поверг на колени и, сорвав с него шлем, перерубил ему шею.

А после того отошел сэр Ланселот к девице и сказал ей:

– Благородная девица, я готов отправиться с вами, куда вы пожелаете, но у меня нет коня.

– Любезный сэр, – промолвил тут раненый рыцарь, – возьмите моего коня, а меня пошлите в этот замок освободить пленников.

И он взял Гахерисова коня и просил его о коне не печалиться.

– Нет, нет, мой любезный господин, я рад отдать вам его, ибо вы спасли и коня моего, и ме-